

УДК 821.133.1

**ВООБРАЖАЕМАЯ И РЕАЛЬНАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ
ФРАНЦУЗСКИМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ КАЗАНИ
КАК РОССИЙСКОГО ВОСТОКА (1839 г.)**

А.А. Кузнецов

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, 603022, Россия*

Аннотация

В статье сравниваются образы России из книги А. де Кюстина и Альбома литографий А. Дюрана. Эти два француза в 1839 г. совершили путешествия по России почти по одному маршруту. Отличием стало то, что А. Дюран проехал также в Казань. Показано, что изначально Казань являлась для французов выражением Востока и Азии. В Нижнем Новгороде А. де Кюстин отказался от этой мысли. В картинах А. Дюрана образы Казани и Казанской губернии наполнены восточным колоритом. В статье предпринята попытка в духе альтернативной истории реконструировать впечатления А. де Кюстина в случае его поездки в Казань. В качестве источника для такого исследования привлечены казанские литографии А. Дюрана. Статья сопровождается первой академической публикацией корпуса казанских картин А. Дюрана.

Ключевые слова: Россия, Казань, Восток, Азия, визуализация, Астольф де Кюстин, Андре Дюран, татары

В 1839 г. Российскую империю посетил маркиз Астольф де Кюстин (1790–1857). Итогом его визита стал знаменитый труд «Россия в 1839 году» (Кюстин). Будучи долгое время запрещенной в России, она оказывалась доступной русскоязычному читателю лишь в переведенных отрывках. Причем эти фрагменты, как правило, выбирались по принципу «антирусскости» и определили восприятие книги до 1996 г. как памфлета или даже пасквиля. Нередко отечественные деятели культуры, публицисты от этого текста ведут отсчет коллективной неприязни Запада к России в Новое и Новейшее время. Поэтому любое – прямое или опосредованное – исследование «России в 1839 году» оказывается злободневным и актуальным.

На самом деле, как отмечают исследователи, это сочинение А. де Кюстина является, прежде всего, текстом о самом авторе [1, с. 709–710], своеобразным этотекстом. Отставляя в сторону достаточно долгую традицию интерпретации российских наблюдений А. де Кюстина, все pro et contra, акцент в статье будет сделан на заведомую ориентализацию автором России и выискивание им восточных признаков, локусов и объектов. Это утрированное помещение на Восток огромной страны, недавней победительницы наполеоновской Франции, сопрягалось

с мысленным экспериментом автора. Он заключался в проверке распространенного тогда тезиса легитимистов о благодати абсолютной просвещенной монархии, которую многие европейцы находили в России, в сопряжении с расхожим представлением о ее деспотизме и восточном (азиатском) происхождении [1, с. 715–717]. Поэтому тема Востока и его репрезентации в России весьма актуальна для текста француза.

Будучи 5 июля (23 июня) 1839 г. еще в германских землях – в Травемюнде, А. де Кюстин фиксирует соотнесенность российского и восточного: «...Лишь бы он [корабль] отвез меня в страну пустынь и степей... степи! Уже само это восточное слово вселяет в меня предчувствие природы неведомой и чудесной; оно пробуждает во мне желание, заменяющее молодость и отвагу и напоминающее, что я родился на свет для того, чтобы путешествовать; так судил рок. Признаться ли? Быть может, я никогда не отправился бы в это путешествие, не будь в России степей» (Кюстин, с. 60). Комментаторы отметили, что для автора книги «восточная» семантика слова «степи» определяется тем, что оно пришло во французский язык в середине XVIII в. «из русского, т. е. “с востока”» [2, с. 757]. Зная российский маршрут А. де Кюстина: Кронштадт – Санкт-Петербург (с окрестностями) – Новгород – Тверь – Москва – Ярославль – Кострома – Нижний Новгород – Владимир – Москва – Санкт-Петербург, – можно констатировать, что настоящих степей автор не видел и не переживал. В двух описаниях им природного ландшафта – от Санкт-Петербурга до Валдая и от Москвы к Ярославлю – подчеркивается его равнинность, бескрайность, унылость, скудость, убогость, однообразие и т. п. (в русском переводе) и нигде не используется слово «степи» (Кюстин, с. 366, 367, 502). Возможно, представление маркиза о России как о стране исключительно степей было развеяно еще в Санкт-Петербурге либо в беседах с русскими, либо – с соотечественниками. В книге это не отразилось.

Более того, отказ от абсолютного зримого воплощения Востока в России стал происходить в сознании А. де Кюстина еще до того, как он пересек ее границу. При встрече с будущим российским императором Александром II 5 июня 1839 г. в Эмсе А. де Кюстин отметил, что тот «ничуть не похож калмыка» (Кюстин, с. 21). Монголоидный антропологический образ России стал размываться, смещаться от цельности к отдельным локальным и культурным сферам. Тем не менее изыскание и нахождение азиатских констант России у А. де Кюстина было постоянным.

Характерны первые впечатления А. де Кюстина от Санкт-Петербурга: «Моя невыносимо грязная комната на постоялом дворе и этот сказочно роскошный памятник – вот Петербург. Как видите, в этом городе, где Европа показывает себя Азии, а Азия – Европе, нет недостатка в контрастах» (Кюстин, с. 134). Эту азиатскую сущность России, деформированную насаждением европейских обычаев и порядков, А. де Кюстин старательно и целенаправленно обнаруживает в первых впечатлениях от Петербурга и его окружи: «Я предпочитаю Азию, там жизнь более гармонична. В России вы на каждом шагу поражаетесь действию, какое оказывают новые обычаи на вещи и установления»; «Нужно приехать в Россию, чтобы воочию увидеть результат этого ужасающего соединения европейского ума и науки с духом Азии» (Кюстин, с. 161; 198). Ожидания восточного в Петербурге уступали место демаркации азиатского и европейского.

Со временем француз, находясь на празднестве в Петергофе, отодвигает границу с Азией на восток от Петербурга, да и от самой России: «...Мы находимся у пределов Азии – в моих глазах русский, облаченный во фрак, выглядит иностранцем, хоть он и у себя дома. Россия расположена на границе двух континентов, и то, что пришло сюда из Европы, по природе своей не может до конца слиться с тем, что было привнесено из Азии» (Кюстин, с. 218). Уже в Торжке он отделяет Россию от Азии, но не соотносит с Европой: «Россия хуже известна, чем Индия, ее меньше описывали и реже рисовали: и все же она не менее любопытна, чем Азия, прежде всего в отношении истории, но даже и в отношении искусства и поэзии» (Кюстин, с. 378). Приближаясь к Москве, путешественник находит возможность классифицировать Россию, которую ранее поставил на границе Европы и Азии: «Это первое явление моему взору столицы славянской империи, которая блистает среди холодных пустынь христианского Востока» (Кюстин, с. 393). С одной стороны, это – всё же Восток. С другой стороны, он – христианский, что роднит его с Европой. Поэтому в дальнейшем изложении о самосожжении Москвы автор логично, без напряжения называет ее азиатским городом (Кюстин, с. 396). Но позже в рассуждениях о Москве заявляет заочному адресату, что, созерцая древнюю столицу России, «вы забываете Европу». И хотя Москва воскрешает сложившиеся в представлениях европейца образы Персеполя, Багдада, Вавилона, Пальмиры, «чья история – поэзия, а архитектура – греза», автор уже не относит описываемый город к Азии, Востоку (Кюстин, с. 458). Такое постоянное смещение акцентов восприятия России с восточности на российскость, а иногда даже на европейскость, определялось жанром писем, которые по мере своего вояжа создавал А. де Кюстин, а также размытием его сложившихся стереотипов и поиском иной сети дефиниций, позволившей бы классифицировать новые впечатления.

После такой стремительной эволюции в постижении России, выведения ее из азиатского (ориентального) универсума А. де Кюстину надо было все-таки обрести Восток в России, источник азиатских (анти-?)культурных влияний на нее. И, наверное, поэтому конечной целью его странствия вдруг становится Казань. Находясь в Петербурге, в беседе с императором Николаем I путешественник говорит, что хочет поехать (и поехал) еще в Москву и Нижний Новгород (Кюстин, с. 179). Ни о какой Казани и речи не идет. И вот в Нижнем Новгороде занемогший А. де Кюстин, испугавшийся окончания лета, отмечает внезапную для читателя мысль: «Эта неприятность оказалась мне тем досаднее, что как раз в тот день собирался я ехать в Казань; желая хоть ногою ступить на землю Азии, я нанял лодку, чтоб спуститься на ней вниз по Волге, фельдъегерь же должен был без меня доставить в Казань мой экипаж для возвращения в Нижний вверх вдоль берега. Правда, с тех пор как нижегородский губернатор не без гордости показал мне рисунки Казани, я уже не так горячо туда рвался. Оказалось, это всё тот же самый город, что и повсюду в России... были здесь и казарма, и соборы в форме языческих храмов; я уже чувствовал, что ради этой вечно повторяющейся архитектуры не стоит ехать лишние двести лье. Но всё же хотелось побывать на границе Сибири и взглянуть на город, который некогда осаждал Иван IV» (Кюстин, с. 592).

Как и почему Казань появилась в географических планах путешественника? Можно предположить, что, распровавшись с однозначным стереотипом о восточной природе России и придя к мысли о том, что эта страна соединяет Восток, христианство и европейское влияние, он локализовал ориентальное начало в исламской части империи. Возможно, такой результат был предопределен историческими изысками А. де Кюстина. По его мнению, сформированному чтением труда Н.М. Карамзина и других текстов о России, «общественное, умственное и политическое положение России в настоящий момент – результат и... резюме царствования Ивана IV... Петра I... и Екатерины II» (Кюстин, с. 378). Первым в этом ряду «прародителей» России помещен Иван Грозный. Именно он сокрушил Казань: «Иван начал со свершений благородных. <...> В 1552 году, после достопамятной осады, Казань, этот грозный форпост азиатского мусульманства, пала под ударами юного царя. <...> Благодаря упорству юного героя... судьба Казани постигла еще один город – Астрахань... однако русский народ, рожденный для повиновения, избавился от одного ига лишь для того, чтобы покориться другому» (Кюстин, с. 411–412). Под «другим игом» подразумевалась власть российского самодержца (и, наверное, «другое иго», в понимании А. де Кюстина, возникло под влиянием ордынского господства). Поэтому Казань как олицетворение азиатского Востока, отделенного и отдаленного от христианской восточной России, стала интересовать А. де Кюстина в качестве конечного пункта странствия.

Внимание к Востоку, своеобразие которого в ходе путешествия уже стал определять ислам, побудило французского путешественника посетить во время первого визита в Москву (он уже отделил Россию от Азии) среди прочего и мечеть. Опасливое поведение татар-мусульман (с выразительной монголоидной внешностью), истрепанность их некогда красивых азиатских одежд контрастировали с тем, как, по представлениям А. де Кюстина, «деспотически правили жителями Москвы их предки» (Кюстин, с. 472). Поэтому в Казани он мог ожидать более свободного поведения в естественной среде бывших правителей России. Но вот в Нижнем Новгороде губернатор продемонстрировал гостю рисованные виды Казани – типичного российского губернского города, и, наверное, пылкий француз посчитал, что и там мусульмане принижены, как в Москве. К сожалению, атрибутировать эти казанские изображения нижегородского губернатора пока невозможно. Отказ маркиза от посещения Казани лишил историю России XIX в. ценного источника. Для самого А. де Кюстина обратная дорога из Казани обещала бы знакомство с вожделенными степями, да и сама Казань с окрестностями позволила бы ощутить исламский и восточный колорит.

Это и многое другое из достопримечательностей Казанской губернии сумел визуализировать другой француз – Андре Дюран (1807–1867), тогда же посетивший Россию. А. де Кюстин находился в России с июля по сентябрь 1839 г., а А. Дюран – с июня по ноябрь 1839 г. [3, с. 33–35]. Оба французца проехали по России одним и тем же маршрутом (из Москвы в Нижний Новгород и обратно А. Дюран добирался в противоположном А. де Кюстину направлении). Только А. Дюран в отличие от соотечественника из Нижнего Новгорода двинулся в Казань. Последним и объясняется то, что он на 1.5–2 месяца дольше пробыл в России. Они могли пересечься в Санкт-Петербурге в июле 1839 г. (по григо-

рианскому календарю), и, более вероятно, в конце августа – начале сентября 1839 г. по пути А. Дюрана из Москвы через Владимир в Нижний Новгород (А. де Кюстин двигался встречным курсом). Однако в записках маркиза эта встреча не отмечена.

Если А. де Кюстин в России был вольным путешественником и наблюдателем, то А. Дюран выполнял заказ князя Анатолия Николаевича Демидова, по приглашению которого в 1839 г. совершил деловой тур по европейской части России с целью художественной фиксации с натуры видов Москвы, Троице-Сергиева монастыря, Петербурга, Великого Новгорода, Твери, Владимира, Нижнего Новгорода, Казани, Костромы, Ярославля и их архитектурных и исторических памятников. На основании путевых зарисовок он позже выполнил литографии, составившие изданный в Париже альбом «Живописное и археологическое путешествие по России, совершенное в 1839 г. под руководством Анатолия Демидова французским художником и литографом Андре Дюраном» (*“Voyage pittoresque et archeologique en Russie, execute en 1839, sous la direction de M. Anatole de Demidoff. Dessins faits d’apres nature et lithographies a deux teintes par Andre Durand”*) [3, с. 31].

Миссия А. Дюрана определялась модным поветрием среди российской аристократии окружать себя дома видами местностей и городов империи [3, с. 32]. А.Н. Демидов, сам в экспедиции не участвуя, оплатил приезд, проезд и работу художника [3, с. 33], отчего тот, будучи скован экономической зависимостью от заказчика и моральными обязательствами, не имел свободы выбора пути, как маркиз. Поэтому при всей доброжелательности А. Дюрана как живописца, постигавшего Россию, нет источников, позволивших подтвердить или опровергнуть его искренность или желание потрафить А.Н. Демидову.

А. Дюран изготовил и затем опубликовал 100 литографий: кроме 78 российских, было сделано еще свыше двух десятков немецких, датских и иных рисунков. Любопытна судьба Альбома литографий А. Дюрана в России. Известно, что он имелся в библиотеке графа Г.А. Строганова. Это книжное собрание в 1880 г. было привезено и передано в Императорский Томский университет. Там Альбом был описан и каталогизирован сотрудниками библиотеки. В 1930 г. собрание рисунков А. Дюрана было увезено Ударной бригадой Совнаркома по изъятию музейных и библиотечных ценностей для нужд экспорта. Позднее в фонде библиотеки Томского университета был обнаружен второй экземпляр издания литографий А. Дюрана, без общего переплета и владельческих признаков. Н.В. Гончарова предполагает, что у Г.А. Строганова имелся второй экземпляр Альбома [3, с. 33]. Еще один Альбом хранится в Российской Национальной библиотеке (Санкт-Петербург). Возможно, что в России имеются еще Альбомы А. Дюрана или рисунки из них. Такое предположение вытекает из наблюдений за частыми размещениями литографий и аукционных объявлений о продаже их подлинников в Интернете. Подобное обилие изображений А. Дюрана, которые пользуются большой популярностью, на второй план отодвинуло их источниковедческое и культурологическое изучение.

«Российские» рисунки А. Дюрана оказали существенное влияние на визуализацию России 1839 г., которую описывал А. де Кюстин. При этом созданные А. Дюраном изображения городов, местностей зачастую просто прикладывались

в исторических и краеведческих исследованиях в качестве иллюстраций к рассказу об этих локусах. Такая актуализация наследия французского художника была фрагментарной, эпизодичной и часто анонимной. Лишь в 2016 г. коллективу авторов из Новгорода, Нижнего Новгорода и Томска, собранному издательством «Крига», удалось опубликовать весь «русский» корпус литографий А. Дюрана (Дюран) в цельной системности, используя Альбом, хранящийся в библиотеке Томского государственного университета. После этого появилась возможность исследовать феномен «Живописного и археологического путешествия...» во всей его полноте. Напрашивающимся направлением в изучении является сравнение вербального и изобразительного описаний конкретных городов в 1839 г., примечательностей России, сделанных А. де Кюстином и А. Дюраном.

Их принадлежность к французской культуре определяла общие, подсознательные мировоззренческие черты восприятия России, несмотря на разность социального происхождения, целеполаганий их трудов и пр. Такую общность можно обнаружить в описании памятника Петру I: «Прежде всего взору моему предстала хваленая статуя Петра Великого, вид которой показался мне крайне неприятен; по воле Екатерины она стоит на обломке скалы, украшенной фразой простой, но исполненной в своей мнимой простоте немалой гордыни: “Петру I Екатерина II”. Эта конная фигура не может быть названа ни древней, ни новой; Пётр здесь – римлянин времен Людовика XV. Конь, равновесия ради, попирает копытами огромную змею: неудачная эта выдумка лишь подчеркивает беспомощность скульптора», – далее отмечается, что монумент теряется в масштабах большой площади (Кюстин, с. 111). Это описание противоречит российскому эстетическому восприятию «Медного всадника», который содержит объемную историко-культурную семантику с ее торжественным и триумфальным пафосом. Однако констатация обыденности этого монумента Э. Фальконе (без негативного оттенка, как у А. де Кюстина) «читается» и в литографии А. Дюрана “Place D’Isaac et de Pierre le Grand” («Исаакиевская площадь и [памятник] Петру Великому») (Дюран, с. 279).

Для определенной «восточности» в описаниях А. де Кюстином русской церковной архитектуры можно найти параллели в подаче ее изображений А. Дюраном. Их изучение не позволяет найти какой-либо гипертрофированности восточных, азиатских черт храмов, искажений в их пользу. А. Дюран просто так их видит и так выбирает их ракурс, что даже нынешнему русскому зрителю эти ориентализмы становятся очевидными (см. ниже изображения храмов в Казани). Такая независимая друг от друга схожесть взглядов двух французов на российскую повседневность позволит верифицировать отдельные спорные суждения А. де Кюстина.

Соотнесение текста А. де Кюстина и всех совпадающих с его маршрутом литографий – дело ближайшего будущего, и оно должно дать много ценного материала для узнавания Россией себя в зеркале французской идентичности XIX в. Однако интересным с экспериментальной позиции представляется вопрос о том, что увидел бы А. де Кюстин в Казани, оправдался бы его нижегородский скепсис в восприятии этого города или нет. Ответы на эти и другие вопросы в духе альтернативной истории могут дать девять литографий А. Дюрана, посвященных Казанской губернии и самой Казани. Они публикуются ниже с разрешения Научной

библиотеки Томского государственного университета по цифровым копиям с оригиналов, хранящихся в НБ ТГУ. Эта академическая публикация локального комплекса визуальных источников, надеемся, должна придать новый импульс изучению локальной истории Казани.

Последняя из четырех нижегородских литографий А. Дюрана – “Église des Saintes Femmes” («Церковь святых Жён-Мироносиц») – датирована 5 сентября (Дюран, с. 343), а первая казанская – 10 сентября 1839 г. Четверо суток – 6–9 сентября – представляются сроком, за который от Нижнего Новгорода до Казани – 430 км – А. Дюран со спутниками мог пройти по воде (средняя скорость Волги – 2–6 км/ч), как планировал это сделать А. де Кюстин. Однако и выбор тряского тракта вместо плавного движения вниз по течению тоже не исключается – со скоростью 70–100 верст в сутки [4, с. 329].

На первом казанском рисунке изображена Николо-Гостинодворская церковь (рис. 1). Этот храм шатрового стиля был построен в 60-е годы XVI в. Известен тем, что в нем служил будущий митрополит Казанский и Астраханский, затем – Патриарх Московский и всея Руси Гермоген. К началу XIX в. храм оказался на грани исчезновения. Примерно в таком «пограничном» состоянии его зафиксировал А. Дюран 10 сентября 1839 г. (по григорианскому календарю). В советское время церковь была лишена куполов и до возвращения ее Русской православной церкви в 2017 г. использовалась как административное здание. На литографии 1839 г. представлены необычные детали, которые могли бы привлечь внимание А. де Кюстина. Около этого православного храма достаточно свободно и непринужденно чувствуют себя татары-мусульмане (судя по одежде), среди которых заметен и ребенок. Такая ситуация, естественная и для местных жителей, и для художника, была немислимой в Москве, если судить по тексту А. де Кюстина. Его взгляд мог бы приковать и эклектический вид храма. К основному строению XVI в. «приставлен» вход в виде античного портика, более ожидаемого у классицистических зданий.

Следующий этюд А. Дюран сделал 13 сентября 1839 г. Он запечатлел Петропавловский собор Казани (рис. 2). Храм, построенный в 20-е годы XVIII в., является ярким образчиком нарышкинского (московского) барокко рубежа XVII – XVIII вв. с характерными роскошными деталями в убранстве. За полторы недели до этого художник не заметил собор Пресвятой Богородицы в Нижнем Новгороде, так же как и казанский храм, поражающий и поражаемый зрителей богатством своего барочного декора. Объяснить это можно тем, что церковь Пресвятой Богородицы находится у подножия возвышенности, на которой покоится верхняя часть Нижнего Новгорода. Именно ее яркие фрагменты запечатлены А. Дюраном в четырех литографиях. Кроме того, художник непродолжительное время пребывал в Нижнем Новгороде, поскольку, очевидно, торопился в Казань, в то время как А. де Кюстин имел больше возможности и времени, чтобы рассмотреть храм в стиле нарышкинского барокко и оставить его описание: «...Снова попав в нижний город, остановились у церкви, которая привлекала мой взор с самого приезда в Нижний. Это настоящий образец русской архитектуры – не в древнегреческом, не в греко-византийском стиле, а вроде фаянсовой игрушки, как московский Кремль или же храм Василия Блаженного, только не столь пестрый по расцветке и формам. Здание это, частью кирпичное, частью оштукатуренное, украшает собой

Рис. 1. Николо-Гостинодворская церковь. Цифровая фотокопия с оригинала из Альбома А. Дюрана, хранящегося в Научной библиотеке Томского государственного университета. Воспроизводится по разрешению НБ ТГУ

нижнюю улицу, красивейшую во всем городе; впрочем, оно покрыто такими причудливыми лепными узорами, таким множеством ложных колонок, цветов, розеток, что при виде столь богато изукрашенного храма невольно приходит на ум большая настольная ваза саксонского фарфора. <...> Внутренность Строгановской церкви не отвечает ее внешности, и всё же в целом я решительно предпочитаю

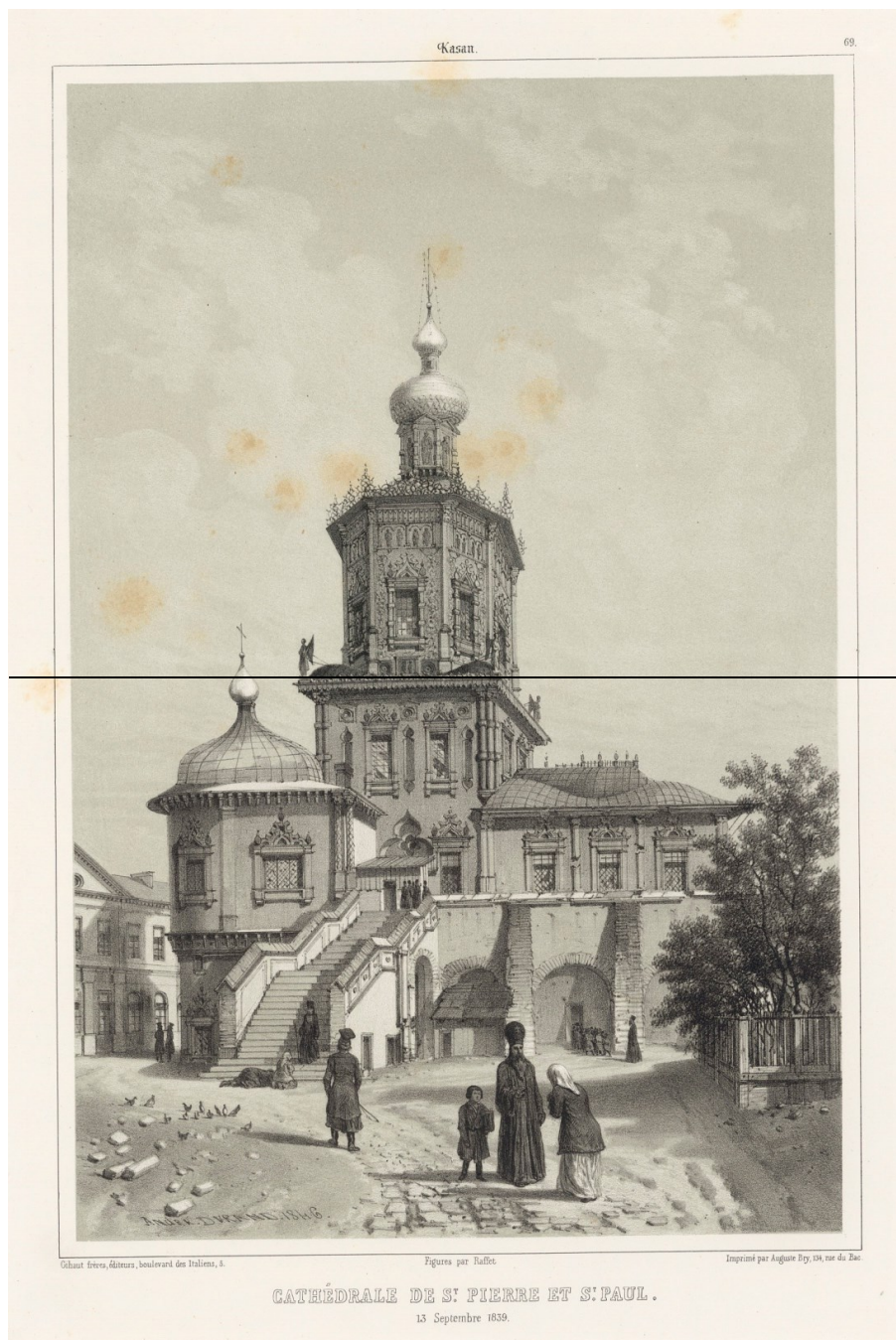

Рис. 2. Собор Святых Петра и Павла. 13 сентября 1839 г. Цифровая фотокопия с оригинала из Альбома А. Дюрана, хранящегося в Научной библиотеке Томского государственного университета. Воспроизводится по разрешению НБ ТГУ

это причудливое сооружение тем неловким копиям римских храмов, что грозятся на площадях Петербурга и Москвы» (Кюстин, с. 579). Побывав А. де Кюстин в Казани, он не остался бы равнодушным к Петропавловской церкви, как не смог проигнорировать храм подобного стиля в Нижнем Новгороде.

Рис. 3. Иоанно-Предтеченский монастырь. 15 сентября 1839 г. Цифровая фотокопия с оригинала из Альбома А. Дюрана, хранящегося в Научной библиотеке Томского государственного университета. Воспроизводится по разрешению НБ ТГУ

Оборотной стороной такого восхищения могло бы стать укрепление во мнении, что Казань является типичным русским провинциальным городом, где, как и в других городах, есть схожие храмы.

На третьем рисунке стоит дата 15 сентября 1839 г. Он посвящен Иоанно-Предтеченскому монастырю с присущей ему замкнутой православной обстановкой (рис. 3). Здесь не найти татар-мусульман. И знакомство с этой обителью подтвердило бы мнение А. де Кюстина, что Казань является русским городом, разве что татары-мусульмане не прошли за изгородью. Зато другой вид города со стороны реки Казанки (сделан 16 сентября 1839 г.), даже без татар, как это на литографии, всё-таки убедил бы А. де Кюстина в восточной природе Казани. Несмотря на обилие русских и православных маркеров, внешний вид города нес в себе заряд восточной, тюркско-исламской цивилизации (подробнее об этой литографии (рис. 5) см. ниже).

Следующий казанский вид датирован 17 сентября 1839 г. – это изображение знаменитого Благовещенского собора Казанского кремля (рис. 4). Конечно, А. де Кюстин не определил бы черты самобытной псковской зодческой школы XVI в., но увидел бы в храме ту же архитектурную традицию, характерную для всего православного зодчества России. Однако, как само собой разумеющиеся для Казани, изображенные на рисунке фигуры свободно проходивших по соборной площади татарской женщины и ребенка резко контрастируют со словесным описанием робких татар в московской мечети. И такой контраст существенно подправил бы мнение А. де Кюстина о типичном российском провинциальном городе Казани, и он не смог бы так уверенно, как в Москве, заявить: «Сегодня

Рис. 4. Благовещенский собор. 17 сентября 1839 г. Цифровая фотокопия с оригинала из Альбома А. Дюрана, хранящегося в Научной библиотеке Томского государственного университета. Воспроизводится по разрешению НБ ТГУ

положение татарина в России хуже положения московского крепостного» (Кюстин, с. 473).

Рисунок Благовещенского собора хронологически разрывает массив казанских литографий, которые можно условно назвать «восточными»: «Въезд через

мельницы и реку Казанку. 16 сентября 1839 г.» (рис. 5), «Руины [города Великие] Бу[о]лгары. 17 сентября 1839 г.» (рис. 6), «Мечеть и татарская деревня. 17 сентября 1839 г.» (рис. 7), «Крепость [кремль] со стороны реки Казанки (без даты)» (рис. 8) и «Руины татарского дворца и башня Сююмбике. 18 сентября 1839 г.» (рис. 9). Если только А. Дюран не ошибся, во Франции задним числом проставляя даты казанских рисунков, то получается, что он выезжал из Казани по губернии и вернулся обратно, чтобы сделать литографию башни Сююмбике, и уж затем отправился вверх по Волге в Кострому и Ярославль. В таком случае объяснить его отлучку из Казани можно теми задачами, которые перед ним поставил заказчик. Но возможно, что художника подвела память, и в действительности он завершил свою миссию в Казани и посуху двинулся в обратный путь, как хотел сделать А. де Кюстин, а по пути зафиксировал те виды, которые мог бы встретить маркиз. Остается лишь гадать и доверять хронологической сетке А. Дюрана, поскольку возможностей для ее верификации пока что не имеется.

Два вида на казанский кремль со стороны реки Казанки представляют древний город, сохранивший черты самобытности, существовавшей до 1552 г. (см. рис. 5; 8). Она определяется выбором места закладки всё-таки восточного города. Ландшафт Казани существенно отличается от ландшафтов Санкт-Петербурга, Торжка, Твери, Москвы, Ярославля, Нижнего Новгорода и других городов, которые видел А. де Кюстин. Казань Российской империи XIX в. высилась там, где стояла столица Казанского ханства. А основание Казани происходило в социокультурном контексте золотоордынского наследия с его сочетанием кочевого и восточно-урбанистического компонентов. Как кажется, француз А. Дюран сумел это выразить в литографиях. И другой француз – А. де Кюстин, побывав тогда же в Казани и взгляни на нее со стороны Казанки, тоже бы иначе оценил и переосмыслил феномен Казани именно как восточного города Российской империи. Этому поспособствовала бы и башня Сююмбике, которая видна была со стороны Казанки (см. рис. 9).

Невзирая на спор ученых о строительстве башни до или после 1552 г., А. де Кюстин самобытность ее облика рассмотрел бы через призму восточности. Как известно, с 1832 г. название этого архитектурного символа Казани стало звучать как «Башня Сююмбике» [5, с. 38–39] и началось его распространение и утверждение. В 1839 г. путешественник услышал бы это название (ведь А. Дюран зафиксировал его – *Tour de Soumbecka*), что определило бы восприятие им исторического центра Казани отнюдь не как типичного российского провинциального города. На литографии на переднем плане и на фоне башни Сююмбике стоят двое восточного облика мужчин в тюрбанах. Они естественны и не напряжены, находятся в привычной для себя обстановке.

Еще более органичными в своих ориентализме и атрибутах мусульманской культуры являются образы Великих Болгар (Булгар) (см. рис. 6) и татарской деревни (см. рис. 7) (рискно предположительно атрибутировать этот рисунок с видом внутри Великих Болгар) Казанской губернии. В татарской деревне вообще нет примет европейскости, русскости и российской имперскости. Их наличие на этюде, посвященном Великим Болгарам, – мельница, солдаты – лишь оттеняет восточность всего пейзажа.

Рис. 5. Въезд через мельницы и реку Казанку. 16 сентября 1839 г. Цифровая фотокопия с оригинала из Альбома Дюрана, хранящегося в Научной библиотеке Томского государственного университета. Воспроизводится по разрешению НБ ТГУ

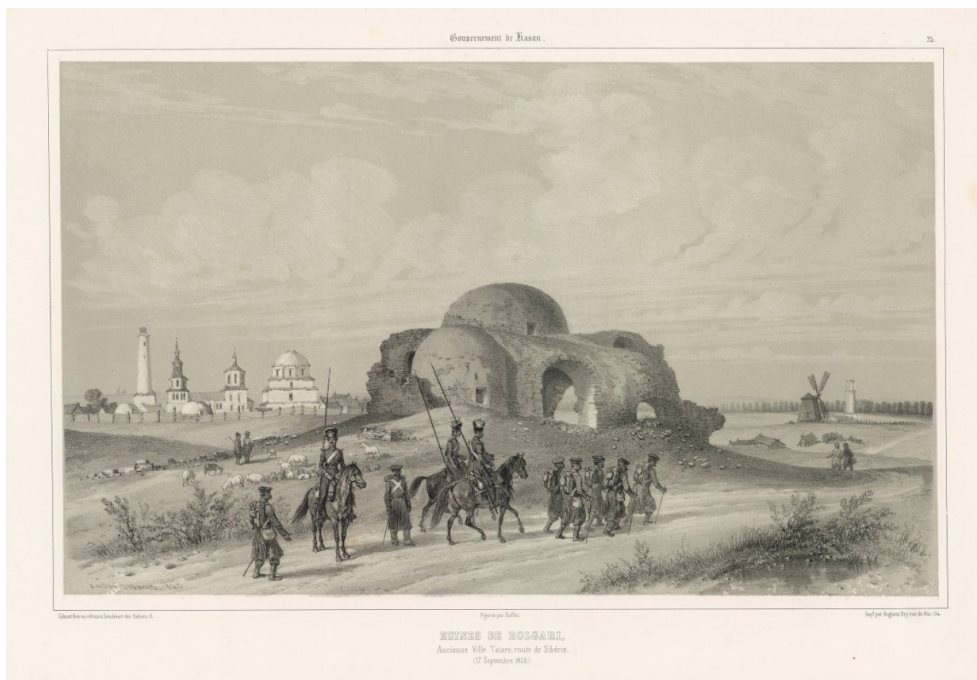

Рис. 6. Руины [города Великие] Бу[о]лгары. 17 сентября 1839 г. Цифровая фотокопия с оригинала из Альбома Дюрана, хранящегося в Научной библиотеке Томского государственного университета. Воспроизводится по разрешению НБ ТГУ

Рис. 7. Мечеть и татарская деревня. 17 сентября 1839 г. Цифровая фотокопия с оригинала из Альбома Дюрана, хранящегося в Научной библиотеке Томского государственного университета. Воспроизводится по разрешению НБ ТГУ

Рис. 8. Крепость [кремль] со стороны реки Казанки (без даты). Цифровая фотокопия с оригинала из Альбома Дюрана, хранящегося в Научной библиотеке Томского государственного университета. Воспроизводится по разрешению НБ ТГУ

Рис. 9. Руины татарского дворца и башни Сююмбике. 18 сентября 1839 г. Цифровая фотокопия с оригинала из Альбома Дюрана, хранящегося в Научной библиотеке Томского государственного университета. НБ ТГУ

Кисть француза выхватила из российской провинциальной действительности Казани и Казанской губернии самобытные черты и константы, определенные Востоком и исламом. Думается, что взор А. де Кюстина остановился бы на них тоже. Он увидел бы проявления вождельного Востока, грезившейся ему Азии в Казани и Казанской губернии.

Соглашаясь с вышеприведенным тезисом о проверке А. де Кюстином в России постулата легитимистов о благотворности абсолютной просвещенной монархии в сопряжении с представлениями о деспотизме и его восточном происхождении, можно указать на то, что разочарование маркиза в ожидаемом подтверждении идеала шло одновременно с рассеиванием восточных представлений-миражей о стране-победительнице Наполеона. Сложившийся образ России как Азии, как пограничной зоны Азии и Европы не подтверждался. Россия, скорее всего, стала превращаться для А. де Кюстина во что-то особенное, отличное от Европы и Востока. И это особенное показалось маркизу малосимпатичным. Усиление этого негатива было обусловлено и личной эмоциональной обескураженностью, что не могло не проявиться в нотах обиды, засквозившей в письмах по мере «погружения» француза в Россию. Возможный его визит в Казань и Казанскую губернию мог повлиять на корректировку, а может быть, и ревизию такого итога российского вояжа. Это произошло бы под влиянием ориентальных повседневноности, образов, деталей и примет. Их сумел оценить, выхватить и запечатлеть в 1839 г. французский художник А. Дюран, который донес до нас ценный в источниковом плане визуальный ряд Казани и Казанской губернии.

Источники

- Кюстин – *Кюстин А.де*. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. – СПб.: Крига, 2008. – 704 с.
- Дюран – *Дюран А.* Живописное и археологическое путешествие по России // Картины русской жизни. Столица и провинция первой половины XIX века глазами иностранцев. Дневники. Исследования / Сост. Г.М. Коваленко, А.А. Кузнецов. – СПб.: Крига, 2016. – С. 270–439.

Литература

1. *Мильчина В.* Несколько слов о маркизе де Кюстине, его книге и её первых русских читателей // Мильчина В.А., Осповат А.Л. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». – СПб.: Крига, 2008. – С. 709–727.
2. *Мильчина В.А.* Комментарий к письму четвертому // Мильчина В.А., Осповат А.Л. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». – СПб.: Крига, 2008. – С. 756–760.
3. *Гончарова Н.В.* Образы русских городов XIX в. на литографиях Андре Дюрана в книжном собрании Г.А. Строганова // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 2. – С. 31–37.
4. *Лотман Ю.М.* А.С. Пушкин: Биография писателя. Роман «Евгений Онегин». Комментарий. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 640 с.

5. Саначин С. Иконография и планы Казанского Кремля о возрасте Сююмбекиной башни // Казань. – 2002. – № 9. – С. 37–47.

Поступила в редакцию
03.09.18

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
пр. Гагарина, д. 23, г. Нижний Новгород, 603022, Россия
E-mail: nalbuz@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 6, pp. 1508–1525

Imaginary and Real Visualization of Kazan as the Russian East by French Travelers (1839)

A.A. Kouznetsov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, 603022 Russia
E-mail: nalbuz@mail.ru

Received September 3, 2018

Abstract

The paper is devoted to the perception of Kazan and Kazan province as the Russian East by French travelers. Astolphe de Custine and André Durand traveled to Russia in 1839. Custine, following the results of his visit to Russia, wrote the book “Russia in 1839” (*La Russie en 1839*). Durand captured the images of Russia in lithographs. The relevance of the research is due to the widespread opinion of Custine’s work as the beginning of the collective dislike of the West for Russia. The scientific importance is determined by the source study of the correlation of texts and artistic images on one topic. The study was performed to find out the impressions that Custine could get from Kazan as the oriental locus of the Russian Empire. As a means of verifying the alternative history hypothesis, nine Durand’s lithographs of Kazan were used. The results of the study include: the evolution of Custine’s ideas about Russia from the embodiment of the East to the phenomenon on the border of Asia and Europe; Custine’s emotional and intellectual discomfort as the cause of the hypercriticism of his book; Custine’s refusal to visit Kazan as a missed opportunity to see the eastern nature of Russia; Durand fixing the Islamic, Tatar realities in Kazan and Kazan province. The results obtained are important for the formulation and solution of the following problems: source study of synchronous and monocultural representations of textual and graphic visualization; research on Custine’s book “Russia in 1839” in connection with Durand’s lithographs; study of Kazan local history and everyday life.

Keywords: Russia, Kazan, East, Asia, visualization, Astolphe de Custine, lithographs Andre Durand, Tatars

Figure Captions

Fig. 1. The Saint Nicholas Church in Gostiny Dvor of Kazan. Digital photocopy of the original from A. Durand’s Album stored in the Research Library of Tomsk State University. Printed by permission of the Research Library of Tomsk State University.

- Fig. 2. Saints Peter and Paul Cathedral. September 13, 1839. Digital photocopy of the original from A. Durand's Album stored in the Research Library of Tomsk State University. Printed by permission of the Research Library of Tomsk State University.
- Fig. 3. St. John the Baptist Monastery. September 15, 1839. Digital photocopy of the original from A. Durand's Album stored in the Research Library of Tomsk State University. Printed by permission of the Research Library of Tomsk State University.
- Fig. 4. Cathedral of the Annunciation. September 17, 1839. Digital photocopy of the original from A. Durand's Album stored in the Research Library of Tomsk State University. Printed by permission of the Research Library of Tomsk State University.
- Fig. 5. Entry through the mills and the Kazanka River. September 16, 1839. Digital photocopy of the original from A. Durand's Album stored in the Research Library of Tomsk State University. Printed by permission of the Research Library of Tomsk State University.
- Fig. 6. The ruins of [the city of Great] Bu[o]lgars. September 17, 1839. Digital photocopy of the original from A. Durand's Album stored in the Research Library of Tomsk State University. Printed by permission of the Research Library of Tomsk State University.
- Fig. 7. Mosque and Tatar village. September 17, 1839. Digital photocopy of the original from A. Durand's Album stored in the Research Library of Tomsk State University. Printed by permission of the Research Library of Tomsk State University.
- Fig. 8. Fortress [Kremlin] from the side of the Kazanka River (no date). Digital photocopy of the original from A. Durand's Album stored in the Research Library of Tomsk State University. Printed by permission of the Research Library of Tomsk State University.
- Fig. 9. Ruins of the Tatar palace and the Söyembikä Tower. September 18, 1839.). Digital photocopy of the original from A. Durand's Album stored in the Research Library of Tomsk State University. Printed by permission of the Research Library of Tomsk State University.

References

1. Mil'china V. A few words about Marquis de Custine, his book, and its first Russian readers. In: *Kommentarii k knige Astol'fa de Kyustina "Rossiya v 1839 godu"* [A Commentary to Astolphe de Custine's Book "La Russie en 1839"]. St. Petersburg, Kruga, 2008, pp. 709–727. (In Russian)
2. Mil'china V.A. A commentary to the fourth letter. In: Mil'china V.A., Ospovat A.L. *Kommentarii k knige Astol'fa de Kyustina "Rossiya v 1839 godu"* [A Commentary to Astolphe de Custine's Book "La Russie en 1839"]. St. Petersburg, Kruga, 2008, pp. 756–760. (In Russian)
3. Goncharova N.V. The images of Russian cities in the 19th century lithographs by Andre Durand in G.A. Stroganov's collection. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Kul'turologiya i Iskusstvovedenie*, 2014, no. 2, pp. 31–37. (In Russian)
4. Lotman Yu.M. *A.S. Pushkin: Biografiya pisatelya. Roman "Evgenii Onegin". Kommentarii* [A.S. Pushkin. The Writer's Biography. "Eugene Onegin" Novel. Commentary]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015. 640 p. (In Russian)
5. Sanachin S. Iconography and assumptions of the Kazan Kremlin on the age of the Söyembikä Tower. *Kazan'*, 2002, no. 9, pp. 37–47. (In Russian)

Для цитирования: Кузнецов А.А. Воображаемая и реальная визуализация французскими путешественниками Казани как российского востока (1839 г.) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 6. – С. 1508–1525.

For citation: Kouznetsov A.A. Imaginary and real visualization of Kazan as the Russian East by French travelers (1839). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 6, pp. 1508–1525. (In Russian)